

Новое 2003. - 2003. - 30.01.03. - С. 24.

Рок-н-ролл начинался в Советском Союзе в конце шестидесятых — подлинная история тех лет и тех групп не написана и уже вряд ли будет когда-нибудь написана. От тех времен не осталось ничего — ни мемуаров музыкантов, ни записей, — а остались только овеянные легендами названия групп — «Сокол», «Ветер перемен»...

Те группы играли на самодельной аппаратуре и пели на дурном английском. Лауреат премии Ленинского комсомола государственный ансамбль Белоруссии «Песняры», как ни странно это прозвучит, достоин стоять в этом героическом ряду первопроходцев — основанная Владимиром Мулявиным группа входила в число первых рок-н-рольных команд в СССР. Но удивительно не то, что они рано (раньше «Машины времени», раньше «Аквариума») возникли, — удивительно то, что они долго существовали и достигли успеха, тогда как другие группы их призыва ухнули в небывтие.

Правда, успех, которого достигли «Песняры», был совсем не такой, о каком мечтали рок-н-роллышки подпольных команд, городские индейцы семидесятых...

Владимир Мулявин и его друзья начали в 1969-м — они играли в минских кинотеатрах перед сеансами, причем играли с таким драйвом, что публика часто требовала отменить показ кино и продолжать музыку. До того как назваться «Песнярами», они назывались «Лявонами», что в переводе на русский означало «Балагуры».

В самом этом названии было уже заложено не только предощущение фолк-рока, который им предстояло играть, но и ясное понятие о характере Мулявина, которого в группе почтиительно и любовно звали Муля: он, как сказочный Иван-дурак, отличался простотой, глубиной и хитроумием. Хитроумием было сочетать в одной программе песню про лапти и европейский попсовый хит «Делайла». Простота была в самом виде ясного, круглого лица Мулявина — говоря, он с наивной улыбкой подергивал себя за усы...

«Песняры» представляли собой настоящую рок-н-рольную команду — не только по звуку, но и по манере вести себя в жизни. Мулявин носил длинные волосы и густые, опускающиеся вниз усы — невозможный облик для

1976 г. Турне «Песняров» по США.
Мулявин на репетиции

Эта фотография — личный подарок Владимира Мулявина автору

НЕТОРОПЛИВЫЙ ПОБЕГ

стерильного певца советской эстрады. Иногда, утомившись играть обязательную ерунду, они выкрикивали со сцены: «А теперь — песня великих «Битлз!» — и играли нечто совершенно невообразимое для тех постных лет.

Местами они могли быть дикими — совершенно в стиле Пита Таушенда из The Who, который, как известно, разламывал на сцене ударную установку. На некоторых концертах Мулявин играл на гитаре лежа, на других сокрушал телевизионную технику, действующую ему на нервы. Во всяком случае, слухи о подвиге Усатого Дядьки ходили. Но сильное лобовых слухов доказывала энергетическую мощь группы ее музыка. Стоило им начать фолк-роковую, с тяглым басовым рефреном, «Косил Ясь Коношину» — как пол начинал дрожать...

Образ жизни группа и ее участники вели вполне рок-н-рольный — но с поправкой на белорусскую ментальность, предполагающую три неспешные трапезы в день и литр водочки на ночь. В триаде sex, drugs and rock-n-roll на месте drugs у «Песняров» стояла водка с бульбой в виде закуски.

Барабанщик группы Александр Демешко вспоминал много лет спустя в одном из интервью, что в те годы «не моргнув глазом выпивал две бутылочки «водочки», литр томатного сока со сметаной и укропом, закусывал селедкой, вареной картошкой и двумя татарскими бифштексами». Это белорусское раблезианство я ощутил полной мерой в далеком 1977 году, когда приехал в Минск корреспондентом журнала «Ровесник» писать об американских гастролерах «Песняров». Анатолий Кашепаров, вокалист группы (позднее он эмигрировал в США), пригласил меня к себе домой — я до сих пор помню тот долгий вечер за столом, обилие бифш-

ИМЕННО ОН ПРИВИЛСЯ К ВЕТКЕ ЗАПАДНОГО РОК-Н-РОЛЛА

тексов, кастрюлю с вареной картошкой, бутылку самогона и ощущение медленно впадающих в отупение от сытной еды и крепкого пойла мозгов...

Но при этом, несмотря на периодические выбросы агрессии, «Песняры» никогда не были протестной командой и частью рок-н-рольного подполья. Суть Майка Науменко или Б.Г. Мулявина не влекла. Вряд ли это был осмысленный, умственный выбор хода в шахматной партии — он просто был иным по натуре.

Диссидентские завихрения ему не были свойственны. Он не был по национальности белорусом (родился за Уралом), но выпит в себя белорусскую ментальность, белорусский образ мысли и чувства. Как определить этот образ? Добродушие, неспешность, лояльность, отсутствие истерики, мягкость нрава, в глубине которой, как свинчатка в коме пуха, кроется твердое ядро. В его музыке все это чувствовалось. Это был не просто унифицированный космополитичный рок, а именно рок из Белоруссии — музыка, лишенная столичной претенциозности, избавленная от мелкой суеты, просторная, как зимние поля, неспешная, как леса вдоль дороги.

Мулявин очень хорошо вписывался в предлагаемые ему советской властью обстоятельства — участвовал со своей группой во всевозможных комсомольских песенных конкурсах, пел песни советских композиторов и ездил на гастроли за рубеж в те годы, когда другие рок-группы в лучшем случае ездили играть на танцы в соседнюю школу. Он вполне лояльно играл по советским правилам. Если бы в нем и в его группе было только это — сейчас говорить было бы не о чем. Но сверх способности приспособления в «Песнярах» было и что-то еще, что разительно отличало их от других так называемых ВИА, отвратно голосивших казенные оптимистические песни...

Людей, четко деливших музыку на подпольный и поэтому подлинный рок-н-ролл и на разрешенный и поэтому фальшивый, песни Мулявина в те годы часто ставили в тупик. Они были разрешены, их крутили по радио и выпускали на пластинках (в СССР было выпущено 12 миллионов экземпляров пластинок «Песняров»), но при этом в них были подлинный драйв и истинное чувство. Я знал в те годы человека — вполне рок-н-рольного человека, слушавшего Deep Purple и Grand Funk, — который не-

сколько месяцев подряд напевал только одну песню: это была чувствительная и пронзительная Александрина.

Мулявин каким-то образом умел оказаться шире рамок, которые добровольно принимал, выше потолка, под которым добродушно соглашался существовать. Более того — теперь, когда Советского Союза уже нет и можно оценивать не героизм рок-н-рольного подполья, а просто музыку, — ясно, что в композициях Мулявина было больше музыки, чем во многих немудреных творениях подпольных рок-н-ролльщиков, которые плохо играли на гитарах и писали наивно-патетические тексты к своим неумелым песням.

Мулявин четко знал, что делал. Он был профессионал — это становилось понятно каждому, кто хоть раз побывал на его репетиции. Он властно руководил своей командой, добиваясь чистоты и прозрачности звука, столь присущих «Песнярам». Музыканты из его группы, представившие на советской сцене в виде наивных фольклорных парубков, ими вовсе не были: пианист Гилевич, например, слушал Оскара Питерсона и Рика Бейкмана, а Кашепаров — Led Zeppelin и Uriah Heep.

Сам Мулявин, кстати, в том давнем моем интервью на вопрос о своих музыкальных пристрастиях ответил с наивным хитроумием человека, желающего подчеркнуть свою самостоятельность, но при этом не показаться отставшим от моды: «Мы стараемся избежать влияния других групп... Мне нравится Chicago». Он очень хорошо слышал плавную, мягкую мелодику русской и белорусской речи, очень тонко чувствовал здешний ритм и звук, не совпадавший с ритмом и звуком всемирного музыкального потока. В электрический звук группы он вплетал лиру, найденную им в одном из музеев. Он пытался привить к западному рок-н-роллу славянский побег. Таких попыток было совсем немного — и лишь две из них можно назвать безуловно удавшимися. Это Czerwone Gitary в Польше — и «Песняры» в СССР.

● Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

Мулявин Владимир

30.01.03.